

художниковъ, совсѣмъ молодыхъ, и держу ихъ во внутреннихъ комнатахъ, до тѣхъ поръ, пока они не стануть знамениты.

Потомъ прибавилъ шопотомъ:

— Теперь какъ разъ удобное время покупать картины. Живописцы умирають съ голода. У нихъ нѣтъ ни гроша... ни гроша...

Но Дюруа уже ничего не видѣлъ и слушалъ, ничего не понимая; м-ше де-Марель стояла за его спиной. Что ему дѣлать? Если онъ ей поклонится, не рискуеть ли онъ, что она повернется къ нему спиной или скажетъ какую-нибудь дерзость. Если онъ не подойдетъ къ ней, что подумаютъ другіе? Онъ говорилъ себѣ:—Надо выждать время,—и былъ такъ взволнованъ, что одну минуту думалъ притвориться больнымъ и уйти подъ этимъ предлогомъ.

Осмотръ стѣнъ былъ оконченъ, хозяинъ поставилъ лампу и пошелъ поздороваться съ вновь прибывшею гостьей, а Дюруа одинъ продолжалъ осматривать картины, точно не могъ ими достаточно налюбоваться.

Онъ былъ совсѣмъ сбивъ съ толку. Что ему дѣлать? Онъ слышалъ голоса, различалъ слова.

М-ше Форестье позвала его:

— Послушайте, м-г Дюруа!

Онъ подбѣжалъ къ ней. Она объяснила ему, что одна изъ ея пріятельницъ даетъ балъ и очень желала бы, чтобы о немъ упомянули въ отдѣлѣ слуховъ „Vie Française“.

Онъ забормоталъ:

— Разумѣется, съ удовольствіемъ.

М-ше де-Марель была совсѣмъ близко около него. Онъ нерѣшался повернуться и отойти.

Вдругъ онъ подумалъ, что съ ума сходить.

Она громко сказала:—Здравствуйте, „милый другъ“. Вы меня не узнаете?

Онъ быстро повернулся на каблучкахъ. Она стояла передъ нимъ улыбающаяся, съ веселыми и ласковыми глазами, и протягивала ему руку.

Онъ взялъ ее съ трепетомъ, все еще опасаясь какой-нибудь хитрости и коварства. Она прибавила безмятежно:

— Что это вы пропали? Васъ совсѣмъ не видно!

Онъ пролепеталъ, все еще не въ силахъ овладѣть собой:

— Я былъ очень занятъ. М-г Вальтеръ поручилъ мнѣ новый отдѣлъ и мнѣ съ нимъ много дѣла.